место. Наши профиль заведения менять не стали. Высокое начальство всегда чуть сквозь пальцы смотрело на выходки и капризы лётчицкой братии…».

Теперь нужны пояснения, а может быть, требуется глубоко вздохнуть и успокоиться. «Наши (то есть советское командование) профиль заведения (то есть кабака с оттенком притона или борделя) менять не стали»… Это не то, что обычно писали о Великой Отечественной войне советские (и даже постсоветские) авторы. Тем более рискованно употребление слова «намоленный» в отношении «казино» и «варьете»… Всё это касается второго фрагмента.

Первая цитата на вид безопаснее, но на деле указывает на ещё более необычный сюжетный ход, а именно – на присутствие в одной из боевых частей Советской армии нелегальной мародёрской бригады, для ценностей, награбленных ею, и требовались «схроны» и «верные кладовщики».

Весь роман Попова написан в некоей полемике с «Раковым корпусом» Солженицына, например, весьма недвусмысленным намёком кажется автору этих строк портрет одного из персонажей, вместе с которым герой романа «Пир» Иннокентий лечился в армейском госпитале:

«…парень с почти онкологической опухолью на шее. Этому парню обед заказывали по генеральному столу, хирург-полковник здоровался с ним за руку, но с каким выражением косился тот на реденькие манные кашки своих рядовых соседей».

Такие пассажи в прозе Попова – и есть пример «аллюзий», о которых говорил Сергей Казначеев в приведённой выше цитате. Литературные переклички, умение органично ввести в прозу противоречивейшие идеи современности, учесть мнение как «Востока», так и «Запада», порой сопроводив всё это блестящей игрой слов, гротеском без пережима, мастерской передачей интонаций действующих лиц… Такова проза Михаила

Александр АНДРЮШКИН

На разных полянах

Михаил Попов и Олег Ермаков – литературный поединок

Та часть романа «На кресах всходних», которая посвящена Советской армии, читается с неменьшим увлечением, чем «В августе сорок четвёртого» Богомолова (в последнем романе, конечно, чувствуется армейский опыт Богомолова, как и в «Кресах…» – опыт служившего в армии Попова). В прозе о войне – увы – традиционно много штампов, а если писатель заглядывает под «лакированную поверхность», то интерес ему почти гарантирован, и это правильно. Главы романа, описывающие действия партизанского отряда, а также отступления по времени в начало XX века и даже в век XIX, показались мне материалом более тяжеловесным, но эти же главы придают роману и фундаментальность.

Должен ли я в этой статье указать на недостатки прозы Попова? Пожалуй, отмечу такой: перенасыщенность некоторых его романов (не всех) как героями, так и сюжетными линиями. Этим грешит, увы, даже роман «На кресах всходних», местами написанный не без применения метода «вала», то есть: побольше новых персонажей, имён и историй… Иногда автор даже не считает нужным сообщить возраст или описать внешность новоприбывшего в партизанский отряд бойца, вместо этого вводит всё новых и новых лиц. Это служит определённой заменой действия и глубины замысла, но – увы – это именно эрзац-замена.

…А всё-таки в целом книги Попова – содержательны, полезны, возвышающи, гражданственны, наконец! Перечислю несколько тех, которые сам писатель считает лучшими: «Пир» (1988; реалистический роман о сумасшедшем доме); «Железный Хромец» (1995; исторический роман о Тамерлане); «Тёмные воды Тибра» (1996); «Цитадель тамплиеров» («Цитадель», 1997); «Плерома» (2006; научная фантастика); «Нехороший дедушка», «Капитанская дочь» (оба романа – 2010 г.; современная остросюжетная проза).

Я уже цитировал статью о Попове Сергея Казначеева из энциклопедического трёхтомника «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги», добавлю ещё одну ссылку на тот же источник. Казначеев считает наиболее интересными книгами Попова на тему современной политики романы «Пора ехать в Сараево» и «Гости съезжались на дачу, или План спасения СССР». А я выскажу собственное предпочтение: роман «Москаль» – он содержит поразительный срез жизни современных Украины и России, при этом, хотя начат как типичный остросюжетный боевик, постепенно получает признаки «романа идей». Этих идей – иногда экстравагантных, а иногда и замечательно глубоких – в избытке у героя романа, главного редактора полускандального московского журнала.

Отдельно остановлюсь на книге «Пир», дебютной для Попова. Сегодня даже трудно поверить, что роман вышел в советские времена, настолько смелым и «неподцензурным» выглядит его содержание. Название «Пир», быть может, отсылает к скандальному «Пиру победителей» Солженицына, явившемуся одной из главных причин исключения его из Союза писателей СССР.

Михайловича Попова, которую хотелось бы разбирать и цитировать и дальше, я не делаю этого лишь из экономии места.

* * *

Почему я решил объединить в одной статье имена Попова и Ермакова?

Потому, что речь я веду об оттенках. Большинство из читающих понимают, что, вдобавок к разнице между условным патриотическим и либеральным течениями, есть ещё и разница талантов, которая, порой, ситуацию «выворачивает наизнанку». Мало что так раздражает, как «правильные» мысли и сюжеты, но изложенные суконно, устало и не то что без пламени, а – без мало-мальского огонька.

Переходя к Олегу Ермакову, скажу, что ему за названия романов «Свирель вселенной» и «Знак зверя» можно было бы, по-моему, дать первую премию в номинации «Литературная пошлость». Столь же коряво, как названия, увы, и содержание некоторых его произведений.

Вот и последний, ещё не законченный роман Ермакова «По дороге в Вержавск» (главы уже печатаются, см. «Новый мир», № 7, 2021 г.) имеет помпезный подзаголовок: «Роман из цикла «Лес трёх рек»»… (Боже мой! Тут уж номинации «Литературная пошлость» будет мало, нужно срочно придумывать новую…)

Такой чепухи, как эти печатаемые в «Новом мире» главы, я, признаться, давно не читал… Можно было бы разобрать и раскритиковать эту новую прозу Ермакова, но это стало бы незаслуженной её «раскруткой», ведь известно, что всё, что об авторе пишут (даже отрицательное), есть реклама для его «отдела продаж».

Я пойду другим путём: приглашу читателя бросить ретроспективный взгляд на всё написанное Ермаковым… Как известно, он воевал в Афганистане рядовым артиллеристом; начал писать он об этой войне тогда, когда цензура практически исчезла, а потому можно было не вычёркивать, например, сцены массовых драк солдат-кавказцев против среднеазиатов, на вечернем сеансе в афганском кинотеатре. И те и другие дерущиеся – воины Советской армии, явившиеся в Афганистан утверждать социализм, но боевых действий нет, а молодая кровь кипит…

…Однако Ермаков не хотел быть просто хроникёром Афганской кампании, он претендовал на *философское осмысление*… (Не с иронией ли написала когда-то редактор «Нового мира» Ирина Роднянская, что «Знак зверя» это «экзистенциальный роман»?) И вот в прозе Ермакова появлялись такие, на мой взгляд, чудовищные пассажи:

«Но послеполуденные ветры не задуют… Не задуют потому, что полдень наступил и солнце остановилось, и так будет всегда, вечный полдень без ветров и теней. И в этом полдне верхние всегда будут верхними, а нижние будут месить в земляной чаше тесто, таскать камни на скрипучие помосты, и мраморные стены будут расти, вознося верхних, и никто не глянет с укоризною на них и не смешает язык их, чтобы остановить их, потому что небеса давно пусты…».

Если кто не понял, то это – о строительстве солдатами в Афганистане каменной бани для собственных нужд, вместо той, которая была первоначально устроена в брезентовой палатке. Вообще, героя Ермакова неизменно удивляет то, что солдаты Советской армии должны были, кроме воинской службы, ещё и работать, например, обустраивать собственное жильё. (Стенания об этом продолжаются и сегодня… Но что бы сказали родители современных солдат, если бы узнали, что римский легион после *каждого* военного перехода должен был обустроить лагерь, и не просто кое-как поставить палатки и завалиться спать, но окружить весь лагерь *рвом и частоколом*, для чего срубить энное количество деревьев… Позже эти лагеря становились центрами распространения римской цивилизации.)

Отчасти эта перспектива не только служить, но и работать (на грядках, например) заставляет Ермаковского героя в другом его романе («Река» из цикла «Свирель вселенной») отчаянно пытаться «откосить» от армии. Даже отправка в Афган не так пугает, как необходимость «ремонтировать дачу генерала»; борьба отказника за то, чтобы не надевать погоны, описана с поистине эпическим размахом. Например, героя, поскольку он ещё не принял присягу, посадить на гауптвахту не имеют права и держат в одной из комнат штаба под неким домашним арестом. Времени у отказника много, и размышления его (между перепалками с офицерами части), как правило, не занимают менее двух авторских листов, по качеству прозы примерно так:

«Ведь открылся же ему в придорожном бурятском посёлочке именно мир случайностей, безостановочного движения, мир пропастей и высот; ощутил же он себя однажды песчинкой, влекомой ветром. Только глупцу всё представляется прочным, незыблемым. Твоё солнце может не встать завтра. Тысячу раз оно вставало, а завтра – нет. И сам ты ляжешь спать здесь, а очнёшься – где ты очнёшься? Всё возможно… Тем чудеснее, что он оказался здесь. И то, что все случайности порой выстраиваются в какую-то цепочку, в какой-то узор…».

И так далее – я не преувеличиваю, читатель, на протяжении многих авторских листов. Философская, однако, проза!

…Нельзя издеваться над участвовавшими в войне! – скажут мне. Наши уважаемые критики бывают очень зубасты, но что-то не припомню, чтобы хоть шпилечку они подпустили в адрес «афганца» Ермакова. (Помимо прочего, это и небезопасно: участники войны – народ спаянный, и, если не сам объект литературных нападок, то кто-то из его сослуживцев вполне может наказать критика.) Но хочу подчеркнуть: сама по себе служба в Афганистане и боевые действия описаны Ермаковым, на мой взгляд, достойно, претензии мои к нему – не по армейской теме, а по темам чисто литературным.

…Ермаков – своеобразный предтеча Гузели Яхиной, одна из первых проб либералов в этом понятном, хотя и не очень чистом бизнесе: «взрастить» верного себе автора, в меру грамотного и обязательно представляющего некий влиятельный слой общества. При этом автор должен быть без собственных идей (или с идеями откровенно глупыми, как у Ермакова), зато он должен уметь участвовать в презентациях и давать интервью, а главное – не высказывать ни малейшей критики в адрес либеральной тусовки, которая его «поставила на крыло» – ну да это, в общем, понятно. Есть такой писатель-шахтёр, писатель-подводник, писатель-дипломат… Либералы считают, что чуть ли не от каждой этнической группы должен быть такой верный им «представитель», и они есть, назову навскидку хотя бы Сухбата Афлатуни: в переводе с фарси-таджикского этот псевдоним означает «Платоновский диалог», настоящее же имя автора – Евгений Абдуллаев.

…Идёт тотальная война идеологий, и в ней ни один километр «фронта» не оставлен без присмотра: на каждого «вашего» – противоположным образом вышколенный «наш», и наоборот… (Таков подход либералов: это они ведут «тотальную войну» с патриотическим «крылом»; наш, русский подход традиционно более терпим.) Кстати, совсем уж «глупыми» или «марионетками» этих выпестованных пятой колонной писателей тоже назвать нельзя, ведь сообразил же Ермаков, нашёл этот «Знак зверя» и эту «Свирель вселенной»… Эту роль выспреннего простачка, которая усыпила бдительность либеральный начальников, и они допустили начинающего прозаика Ермакова и в «Новый мир», и в «Знамя», и вообще – в так называемую (их, либералов) «большую литературу». Хотя допуск не бессрочен, его приходится продлевать, и Ермакову, конечно, напоминают, что институтов он не кончал, по профессии – лесник, значит, и подниматься выше «лесных» рассуждений не должен. Он понимает, о чём свидетельствуют даже названия его книг: «Радуга и вереск», «С той стороны дерева», «Иван-чай-сутра» (не «с утра», а именно «сутра», то есть «Иван-чай – молитва», «Иван-чай – афоризм»). Названия растений – вот, дескать, твой потолок, – как бы говорит Ермакову либеральный «кукловод». Ну, в крайнем случае, «Песнь тунгуса» (книга Ермакова, за которую в 2017 году он получил премию «Ясная поляна»).

* * *

Однажды попался мне на глаза какой-то книготорговый сайт, на нём жанр книг Ермакова был обозначен как… фэнтези! Я увидел здесь не стремление унизить Ермакова, а просто честную попытку какой-нибудь библиотекарши (подрабатывающей на таком сайте) определить: о чём же пишет этот автор? Встреченные в лесу «бурятские мудрецы», перелёты из одной эпохи в другую, как из одного лесного заповедника – в далеко от него расположенный… Ба, да это же, и правда, знакомое всем нам фэнтези! (А то, что автор когда-то воевал в Афганистане и имеет литературные награды – так это ещё и лучше.)

Просматривая «афганскую» прозу Ермакова (именно просматривая, так как читать её сплошь – дело трудное, да и бессмысленное), читатель будет недоумевать: а где же война? Наряды и дедовщина, время отдыха и письма из дома, и бытовые неурядицы…

Боевые действия всё-таки тоже есть, и, кстати, когда доходит до их описания, Ермаков преображается, он отбрасывает сомнительные рассуждения и просто показывает во всей правдивости то, чему был свидетелем. Вот наступление на позиции боевиков, засевших в горах возле самой границы с Пакистаном:

«Быстро светает. Наводчики нацеливают гаубицы, слушая команды офицеров. Телефонисты тянут провода от батарей к командным пунктам. Пехотинцы сидят на бронетранспортёрах.

Вдруг танки, боевые машины пехоты и бронетранспортёры заводятся и устремляются к восточным горам с ярко-сизыми вершинами. Половина шестого. Без десяти шесть. Без пяти. Бронемашины с пехотой и танки уже у подножия восточных гор с золотистыми сияющими вершинами. Шесть. – Из-за гор вырвался оглушительный режущий свист и рёв, заставивший всех до единого вздрогнуть и запрокинуть головы, – но пятёрка жёлто-зелёных обтекаемых машин с растопыренными крыльями уже прошла над станом и стремительно приближалась к восточным золотым вершинам, – и в следующее мгновенье самолёты уже над вершинами, под крыльями сверкнули лезвия, и тут же золотые вершины выбросили вверх коричневые облака, как лопнувшие, перезрелые грибы-дождевики, и звуки взрывов долетели до лагеря…».

Увы – повторюсь – таких сцен боёв в прозе Ермакова немного… Больше в ней совсем иного, вот например, фрагмент о проституции за «чеки» (советский эквивалент долларов), вернее – просто не лишённая перца сценка с советским врачом, уговаривающим на «это самое» медсестру. Для справки: рядовой советский солдат получал 15-20 чеков в месяц, те, кто на окладе, до 200 чеков в месяц. Медсестра, демонстрируя характер «равноправной советской женщины», потребовала у врача аж несколько окладов – семьсот чеков – за одну «сексуальную услугу»:

«– Дверь, – злобно прошипела она.
– Всё, всё, всё.
– Семьсот.
– Хорошо, хорошо, хорошо.
– Не раздеваясь, – потребовала она».

…Правильно осмыслять войны – и всю общественную и частную жизнь – бывает важнее и труднее, чем выигрывать эти самые войны и чем успешно проживать эту самую жизнь. Бывает ведь и так: прожил достойно, сделал много, а написал потом такую дрянь, что даже на бытовые нужды неприятно использовать бумагу, на которой это напечатано.

Санкт-Петербург

Владимир ЮРИН

В святцах души

О книге Алексея Манаева «Мои святцы»

ния». Доброта и сердечность, мужественность и способность к самопожертвованию не возникают ниоткуда. Это наследство, даруемое историей. Драгоценнейшее наследство!

Вот почему, стремясь объяснить характер героев, новеллист обращается к общему нашему прошлому: к Первой мировой и Гражданской войнам, к коллективизации и Великой Отечественной войне, к трудной послевоенной жизни. Но есть в этом прошлом нечто особенное, характерное для местности, где находится малая родина литератора. А затеряласьона на южных степных просторах от Воронежа до Крыма, которые принято было именовать Диким полем. Алексей Манаев не доверяет этому термину, считая его ущербным, и тоже оправданно использует стилистически нейтральный – Степь. Прошлому посвящено большинство новелл историко-краеведческого характера первого раздела «Дети боярские – судьбы крестьянские». На этом фундаменте основаны два других раздела «В рай – на хутора!» с автобиографическим повествованием «Оберег от одиночества» и «Трон для императора» с очерками о земляках. Опора на историческую основу делает более убедительными образы, оправданнее полемически заострённые выводы. Познавательный потенциал «Моих святцев» расширяется до степных просторов. В этом смысле книга идёт рука об руку с «Памятью» Чивилихина.

Для несведущих читателей о Степи подробнее. С давних времён на южных рубежах Московской Руси противостояли Крымские орды, использовавшие Степь как плацдарм для опустошительных набегов на северного соседа. Набеги сопровождались крайней жестокостью. Злодеи предавали огню села, обезглавливая стариков и угоняя в полон мужей, жён, детей. Попытки предупредить нападения с помощью создания сторожевых и станичных служб не останавливали разбойников. Многокилометровые рукотворные огненные стены из горящей осенней травы, призванные оставить без корма неприятельскую конницу, тоже оказывались мерой ненадёжной. Пришлось отгораживаться от соседей Белгородской чертой с городами-крепостями, валами, рвами. Она проходила по современным Белгородской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской областям России и Сумской области Украины и опиралась на естественные природные преграды. В основном – реки. Вместе с укреплениями, возведёнными в других регионах, оборонительный вал доходил до Уфы. Если вдуматься, то наши предки воздвигли стену под стать Китайской! Только не из камня – его не было, а из земли и дерева.

В Степи по повелению властей и, бывало, по собственной инициативе укоренялся в первую очередь «человек с ружьём» – дети боярские и служилые люди, обязанные оборонять Московскую Русь. Фактически им пришлось постоянно жить на передовой. Надо было возводить укрепления, осваивать новые территории, поднимать детей. Надо было постепенно перековывать себя из воина в пахаря, потому что хлеб насущный переселенцы должны были добывать сами. И все это в шаге от ханских подданных, которые в любую минуту могли превратить кров в пепелище.

267 лет войн, 199 походов на Русь! Алексей Манаев итожит наблюдения заключением «предводителя» отечественных историков Василия Ключевского: «Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах».

Отголоски этой многовековой «мучительной погони за степным хищником» и объясняет Алексей Манаевместные нравы.

Вторую особенность, влиявшую на характеры земляков, литератор видит непосредственно в жизни округи. Округа в понимании автора не околица, не ближайшая территория с чётко очерченными границами. По Алексею Манаеву, это место, где находили приют дорогие сердцу люди. С одними рос, учился и работал, с другими свёл случай, о третьих узнал по книгам, музейным экспонатам, рассказам знакомых. Книга – по сути, стремление связать историю страны с родными пенатами. Литератор выявляет связь скрупулёзно, профессионально, опираясь на огромное количество первоисточников, добытых в таких авторитетных учреждениях, как Московский Государственный архив древних актов.

Лично мне импонирует ещё и то, что коллега, занимаясь архивными раскопками, установил действительное время появления на свет около трёх десятков сёл, деревень и хуторков. Факт этот с первого взгляда кажется незначительным. Но только с первого взгляда. Доказательство несложное. Долгое время в исторической литературе утверждалось, будто некоторые сёла округи, лежавшие ниже Воронежа и Старого Оскола, в бассейне реки Потудань, появились на свет в 1600 году, а Белгородскую засечную черту начали возводить только в 30-х годах XVII века. Представляете? Вокруг рыщут ханские орды, подвергая огню и мечу всё, что встречалось на пути, а люди в сёлах благоденствуют, хлебопашествуя, добывая на ухожьях мёд, пушнину, рыбу, и басурмане их не трогают.

Если допустить возможность мирного соседства разбойника и его жертвы, то надо признать тогда, что разбойник на самом деле не был разбойником, и, следовательно, строительство Белгородской черты было большой ошибкой, ввергнувшей Московское государство в неоправданные жертвы и расходы. Нереально? – Нереально. С привлечением большого фактического материала Алексей Манаев доказывает, что населённые пункты в округе появились только после строительства Белгородской черты, под защитой её городов – то есть после 1650 года.

Первые сёла вставали на пути крымчаков и порой ценой больших потерь поворачивали нападавших вспять. Постепенно Московское государство расширило границы до самого «синего моря». Служивый люд превратился в пахарей-однодворцев, у которых всего-то богатства – небольшой участок земли для прокорма семьи. Однодворцев с иронией относили к «лапотному» дворянству. Они не купались в роскоши – не до жиру, быть бы живу – но никогда не испытали и горькой судьбы крепостного. И, образно выражаясь, во все времена (царские, советские, постсоветские) должны были возделывать пашню с ружьём за спиной: слишком много завистников у нашего Отечества, желающих отщипнуть кусок от его пирога.

Словом, Степь была кузницей, в которой сама история, погружая людей в испытания, ковала характеры, формировала образ жизни, взгляды, нравственные устои, отношения с земляками, государством и обществом. Исследователи отмечают некоторую суровость и жёсткость покорителей Степи, их свободолюбие, мужество и трудолюбие, дотошность и любознательность. Сын Льва Толстого граф Сергей Львович Толстой однажды подметил: «Однодворцы никогда не знали помещиков-крепостников. Это и сказывалось на их более свободном и доверительном отношении, и чувстве собственного достоинства. Они относились к дворянам не как к господам, а как к богатым хуторянам…».

Новеллист убедительно показывает также, что характер многих героев определили и хуторские устои. Как жизнь на небольшом остове отличается от жизни на материке, так жизнь хутора отличается от жизни села. Глубинка бывает разной. Удалённый от регионального центра район – глубинка. Удалённое от районного центра село – глубинка вдвойне, а уж удалённый от села хутор – всем глубинкам глубинка. Электричество, дороги, газ, телефон и другие дары цивилизации добирались и добираются сюда в последнюю очередь. Мало того, история будто специально испытывает сельский люд на физическую выносливость и моральную устойчивость. Многие хутора в округе образовались после отмены крепостного права, во время Столыпинской реформы, сразу после революции. Людей влекла в необжитые, как правило, труднодоступные места земля, без которой птицу счастья не поймать. Но коллективизация оставила их без этой самой вожделенной землицы. Переселенцы оказались один на один со специфическими трудностями. Небольшой штрих: чтобы получить среднее образование, автор прошагал 12 тысяч километров: восьмилетка находилась в трёх километрах от хутора, средняя школа – в 12. Расстояние в 12 километров от села до хутора телефон преодолевал полвека!

В «Моих святцах» много внимания уделено колхозам. Алексей Манаев на себе испытал, что такое трудодни, «условная» зарплата, тяжкий труд в поле и на ферме порой даже без простейших механизмов. Но автор не из тех, кто видел и видит в колхозах абсолютное зло. Через многие новеллы проходит мысль: и после революции, и после Великой Отечественной войны государство залечивало раны за счёт села. Других источников не существовало. Если бы селу выделяли такие же дотации, которые в те времена получали заграничные фермеры, ещё неизвестно, кто бы примерял на себе лавры лидеров рачительного хозяйствования, считает он. Но отлучённые от земли, от работы сельские населённые пункты (и в первую очередь хутора) начали стремительно мелеть. Ликвидация колхозов, создание крупных агрохолдингов в наши дни тенденцию усилило. Земля теперь не относится к той ценности, которая является якорем для сельского жителя. На глазах тают не только хутора, но и крупные сёла. Таково оно, новое испытание, выпавшее на долю земляков автора. И он опечален: если так пойдёт дело и дальше, на землю без людей придут люди без земли. Желающих чужой землицы, скопившихся на наших границах, не счесть.

Хочу особо отметить стиль повествования – лёгкий, яркий, проникнутый романтикой слова. Не удержусь, приведу хотя бы один фрагмент. Вот как начинается новелла «Парус надежды»: «В ясные похожие дни со всех хуторов видна труба Оскольского электрометаллургического комбината, богатырски вздымающаяся над горизонтом. Иногда её окутывают праздные облака, и тогда труба походит на мачту парусника, который, подгоняемый ветром, вот-вот вынырнет из неведомой дали и предстанет перед нами с капитаном в белом морском кителе, расшитом золотом, и командой, где, по Пушкину, все равны, как на подбор.

– Ну, что, братцы, заждались? Пожили плохо, да будет, – скажет весёлый капитан, сходя с палубы танцующей походкой. – Мы припасли для вас всё, что душа пожелает. Кому счастья – милости просим. Кому здоровья – пожалуйста. Кому денег немеряно – и деньгами поделимся. Разберёмся и с теми, кто обижает…».

Согласитесь, завораживает. Согласитесь, ткань текста отторгает даже мысль о «совковости» героев. Но литератор не страдает и социальным дальтонизмом, не стремится ублажать читателей «весёлыми картинками», наводить искусственный глянец на отчий край и героев. Они такие, как есть, или, во всяком случае, какими запомнились. Среди них встречаются и те, кто не должен бы вызывать симпатии. Но и эти герои у Алексея Манаева не одномерны, не символы зла. В частности, встреченный на буранном пути уголовник-рецидивист Хлыщ, представляясь, не называет себя по имени-отчеству, а по прозвищу. Объяснил:

– Хлыщ он и есть Хлыщ. Кличка. Имени-отчества не заслужил. Нет меня в таблице уважения.

– Как это?

– Да так. Ты думаешь, человеку имя-отчество с рождения даётся? Нет, в метриках пишут. А уж будут величать по имени-отчеству, нет ли – как повезёт.

Находит автор оправдание и для нравственного Квазимодо местных кровей Котыля, считая, что его пороки спят в каждом из нас. Но больше всего мне запомнился образ Золотого – родственника автора. Он и фронт понюхал, и северных лагерей – дали семь лет за попытку в голодный послевоенный год умыкнуть семь килограммов зерна. Всё это сдюжил, однако испытания повседневной, обыденной жизнью Золотой, деревенский мастер на все руки, не выдержал, начав прикладываться к рюмке благодаря щедрым магарычам. Литератор и здесь находит добрые слова для героя. Оказывается, Золотой пошёл на нары потому, что взял вину на себя. Он решил не подставлять хуторян, сопровождавших обоз с зерном нового урожая на приёмный пункт, и в первую очередь красавицу-сироту, в трепет приводившую душу.

Перед нами проходит целая галерея запоминающихся образов. Это тракторист-орденоносец Иван Заздравных, урывками, по ночам, сочинявший стихи для «разогрева души», публикуя их в межрайонной газете. Это Василий Давыдов, который присвоил себе имя литературного персонажа – Васисуалий – и даже как бы бравировал им. После восьмилетки Василий три года работална ферме, не забывая осваивать программу десятилетки. Аттестат зрелости получил, сдав экзамены экстерном, окончил юридический институт и долгое время работал заместителем председателя арбитражного суда Белгородской области.

Некоторых земляков знает весь мир – естествоиспытателя Даниилу Бокарева, открывшего подсолнечное масло, дважды Героя Советского Союза лётчика-космонавта Анатолия Филипченко, народную артистку СССР, прима-балерину Большого театра Людмилу Семеняку. Масштаб известности других не столь велик, однако аромат их обаяния не меньше. Вот председатель колхоза Иван Долматов, балагур и весельчак. Иногда кажется, что попал он, скоморох, в председатели случайно. Но постепенно выяснилось, что к скоморошеству Долматов прибегает осознанно, стремясь смикшировать сложные ситуации, которых у председателя хватает.

Не может не запомниться директор совхоза Пётр Рахманин. Фронтовик-разведчик под два метра ростом, каждый день вникая в нужды десятков людей, десятикилометровыми кроссами за директорской «Волгой» пытался снимать появлявшийся в таких случаях стресс. В числе героев книги увлечённые народной песней сестры Толмачёвы, пластинку которых выпустила известная студия грамзаписи Голландии, целая галерея педагогов Старородкодубовской восьмилетней школы.

Особенно тронула вот какая ситуация. Преподаватель русского языка и литературы Ульяна Давыдова однажды радостно объявила ребятам, что только один ученик написал диктант на пятёрку. Результат вроде бы скромный, и радоваться особенно нечему, но она радовалась и попросила назвать имя счастливчика. Гадали-гадали, называя фамилии отличников и хорошистов – без толку. Оказалось, пятёрку получил «примерный» двоечник, которому никак не давался наш «великий и могучий». Плачет виновник торжества, всхлипывает учитель. Один – потому что никогда в школе его не хвалили, другой – потому что внеурочные бдения принесли результат. На «мокром месте» глаза всего класса.

Мы, крестьянские дети, теперь как бы хвастается Алексей Манаев, были в лучшем положении, чем барские отпрыски времён Фонвизина и Пушкина. Нас наставляли учителя по призванию, почти как члены семей, а барчуков – выписанные из Франции кучера да слуги. Кстати, Старородкодубовская восьмилетка, пожалуй, единственная школа в Белгородской области и, наверное, в числе немногих в стране, учитель которой, Алексей Жданов, и его ученик, Михаил Чубарых стали Героями Советского Союза. Оба, к сожалению, погибли. О значении их подвига автор написал строкою Высоцкого: «Наши павшие как часовые». Выходит, закалка Степью проступает через характер каждого как старые фрески через краску.

Повторюсь, Алексей Манаев поставил задачу рассказать о родной стороне, отличительная черта которой – периферийность. Даже до областного центра, Белгорода, без малого две сотни вёрст. Но чем больше вчитываешься в повествование, тем отчётливее понимаешь, что параллели и меридианы судьбы всего Отечества проходили и проходят и через эти неприметные хуторские места, через всю округу. Они становятся как бы центром Вселенной. Да и могло ли быть иначе, коль о них написал человек, искренне и глубоко любящий малую родину?